

между миром и тайгой: как живут тысячи старообрядцев в лесах на Енисее

источник: [Между миром и тайгой: как живут тысячи старообрядцев в лесах на Енисее](#)

аудио

[между миром и тайгой часть 1.mp3](#)

[между миром и тайгой часть 2.mp3](#)

[между миром и тайгой часть 3.mp3](#)

Количество старообрядцев, по-прежнему живущих в тайге по берегам Енисея, исчисляется тысячами. При этом речь идет не только об обитателях глухих скитов или монастырей (они начали появляться здесь в XVIII столетии и существуют до сих пор), но и о жителях довольно многочисленных по современным российским меркам деревень. Многие из них всё еще живут с советскими паспортами или без документов вовсе — в том числе и иностранцы, когда-то переехавшие в Восточную Сибирь. Долгое время и власть, и самих старообрядцев их обособленное существование вполне устраивало — однако они всё чаще сталкиваются с цивилизацией, и нередко эти столкновения оказываются болезненными. При этом никаких механизмов защиты для представителей таких общин в крае, где они проживают исторически, не предусмотрено. Как сегодня устроена в тайге жизнь по правилам прошлых столетий, как относятся к такому соседству местные жители и районные власти — в большом материале «Известий».

Из Бразилии в Туруханск

Ханофер Ефимов ди Кейрос почти два десятилетия назад вместе с матерью переселился из Бразилии в Восточную Сибирь и с тех пор жил в Туруханском районе. Сначала вместе с матерью (в Россию она привезла его подростком) он оставался в одном из скитов, по-прежнему стоящих в тайге, а после ее смерти перебрался в старообрядческую деревню Чулково, расположенную на берегах Енисея, больше чем в 300 км от райцентра, Туруханска.

Вид на Туруханск со стороны Енисея

Фото: ТАСС/Владимир Веленгурин

В октябре 2018 года о нем написали большинство федеральных и региональных СМИ: в конце лета его остановили на реке сотрудники рыбинспекции. Попытавшись проверить документы у нарушителя, они обнаружили, что у мужчины их в общем-то и нет — по словам Ханофера, его бразильский паспорт сгорел в пожаре несколько лет назад. Из документов осталось только свидетельство о рождении и то на португальском языке.

Дальше ситуация развивалась быстро — в конце сентября Ханофер, оставив в деревне жену Антонида (тоже из числа местных старообрядцев) и троих детей, явился в суд Туруханского района. Судья вынес постановление о депортации Ханофера, его взяли под стражу и этапировали в Красноярск. За него вступились правозащитники и журналисты, сторонники Ханофера призывали власти не разлучать семью, тем более до сих пор благополучно работавшую «на земле». Доводы, да и настойчивость защитников сработали. В начале октября суд Красноярска **отменил** решение о депортации, в краевом МВД пообещали оказывать ему поддержку, а в пабlike, посвященном работе региональных полицейских, даже **выложили фотографии** счастливого Ханофера вместе с супругой и новым свидетельством о браке.

После этого правозащитники отвезли Ханофера в Москву, где он обратился в посольство Бразилии в России с просьбой о восстановлении паспорта. Документа он пока не получил, но депортация ему как супругу гражданки Российской Федерации больше не грозит,

пояснила «Известиям» правозащитница Ольга Суворова, которая помогает семье старообрядца.

Ханофер Ефимов ди Кейрос, старовер из Туруханского района узаконил свой брак с гражданской женой

Впрочем, вероятнее всего, история Ханофера — лишь вершина айсберга. Людей с просроченными или отсутствующими документами на Енисее может быть сотни, если не тысячи. Многие из них, вероятнее всего, являются гражданами других государств — и при столкновении с официальными органами, не слишком, судя по всему, подготовленными к их появлению, их будет ждать не менее суровый прием.

«Что там происходит, знают только посвященные»

Река Дубчес, северный приток реки Енисей, считается мировой «столицей» старообрядчества — по крайней мере для старообрядцев часовенного согласия. Это одно из направлений, которое выросло из течения беспоповцев — то есть тех, кто отвергает необходимость священнослужителей в принципе.

Люди начали селиться здесь еще в конце XVII века — вскоре после раскола 1650–1661 годов, за которым последовали гонения на тех, кто предпочел придерживаться старой веры. Многие ехали в Сибирь добровольно, надеясь обрести спасение души, многих просто ссылали в глухие сибирские леса.

Сегодня в тайге по берегам великой реки по-прежнему стоят закрытые монастыри и скиты, попасть в которые «мирскому» человеку нельзя. «Однажды туда прилетали корреспонденты на вертолете, так обитатели монастыря просто ушли все в лес», — рассказал журналисту «Известий» один из жителей Туруханского района.

Здесь же, на Дубчесе, находится и деревня Сандакчес — фактически центр местного старообрядчества, через который проходит большинство людей, приезжающих в качестве паломников или с желанием переселиться в эти края.

— Там <на Дубчесе. — Прим. ред.> — абсолютно закрытые территориальные образования, что там происходит, знают только посвященные, никто из мира там не бывал и не будет — их туда не допускают. Про них известно только, что люди там молятся, не едят мясо, живут традиционными промыслами, при этом не охотятся, живут только рыбалкой — в монастырях даже нет ружей, — рассказывает Ольга Суворова.

Посетить эти места приезжает много паломников, в том числе из старообрядческих общин, расположенных по всему миру: от Канады до Латинской Америки и Африки. Некоторые из них остаются в монастырях годами. Именно так, объясняет правозащитник, на берегах Енисея появляются люди с просроченными документами и — нередко — иностранными паспортами.

— Люди едут сюда, чтобы сохранить свою веру чистой, — они так считают, — объясняет «Известиям» Николай Шляхов, глава Верхнеимбатского сельского поселения, к которому принадлежит село Чулково. Сам он не старообрядец, однако за десятилетия соседства их образ жизни успел неплохо изучить. — В миру сейчас становится слишком много соблазнов, поэтому многие отправляют в местные монастыри из Европы или вообще из других стран детей.

Информацию о закрытых и удаленных от мира монастырях подтверждает и разошедшаяся несколько лет назад по многим изданиям история девочки из США, которая, по ее словам, **провела** в одном из таких монастырей 15 лет.

Она рассказывала журналистам, что родственники-старообрядцы подростком отправили ее в монастырь на Дубчесе с организованной паломнической группой, но через какое-то время прибывшие с ней люди просто уехали — и девочка поняла, что для нее был взят «билет в один конец». Сбежать из монастыря девушке удалось лишь через 15 лет, при этом, как следует из ее рассказа, добраться до Енисейска ей помогли жители располагавшихся неподалеку сел — тоже старообрядцы.

Правда, Николай Шляхов, рассказывая о монастырской жизни со слов знакомых старообрядцев, говорит, что «насильно их там никто не держит» — если человек чувствует, что не справляется, что такая жизнь не по нему, он может уйти и поселиться в обычной старообрядческой деревне.

Такие деревни, где в основном живут семейные, в отличие от монастырей, хорошо известны местным, и их жители, по словам Ольги Суворовой, по-своему пытаются взаимодействовать с мирскими.

— Я всегда знала, что на Дубчесе у нас существует община беспоповцев, что Чулково — старообрядческое поселение, что капитаны пассажирских судов с ними поддерживают отношения, так же, как и отдельные граждане, которые занимаются рыбалкой и охотой, — поясняет она.

Старообрядцы, которые живут охотой, рыбалкой, а также сельским хозяйством (в Чулково, по ее словам, жители выращивают картошку и выкармливают молочных бычков), торгуют с местными. Или меновым способом, или за деньги, которые им всё равно нужны на приобретение тканей, одежды, обуви и всевозможных инструментов.

Общее количество старообрядцев в России сегодня оценивают примерно в 2 млн человек, в стране действует сразу две церкви — Русская православная старообрядческая церковь (РПСЦ) и Древлеправославная поморская церковь (ДПЦ). На севере в основном находятся общины ДПЦ, многие из них официально не зарегистрированы (в том числе и из-за труднодоступности районов, в которых они располагаются). Кроме того, старообрядческие общины существуют в странах Восточной Европы, Латинской Америки, в Канаде и Австралии. Многие старообрядцы переезжали туда в начале XX века, а также в 1930-е годы, спасаясь от гонений со стороны советской власти.

Виза, просроченная на 10 лет

аудио часть 2 [между миром и тайгой часть 2.mp3](#)

Если часть людей, покинув монастыри, селится на Енисее, то некоторые возвращаются к себе на родину — в Канаду, Боливию, Уругвай, Аргентину, Северную Америку, Австралию или ту же Бразилию. При условии, конечно, что у них оказываются выездные документы.

Сама Ольга Суворова говорит, что может назвать около 20 человек, которые в течение последних лет сталкивались с ситуацией, похожей на ситуацию Ханофера, а также упоминает старообрядца, у которого с документами всё было в порядке, но при этом

требовалась «консультативная поддержка»: человек просто не знал, куда ему нужно с ними обратиться.

До сих пор, однако, у нее никаких контактов с местными староверами не было — зато она общалась с представителями староверческой общины из Бразилии. Именно это, возможно, и помогло спасти Ханофера от депортации.

— Пять лет назад я возвращалась с группой туристов с севера на одном из теплоходов <по Енисею. — Прим. ред.>. И вот в Чулково сел старовер, у которого был бразильский паспорт и виза, просроченная на 10 лет. И сотрудники речной полиции сразу сообщили на берег о нелегале. В Енисейске его пришла встречать миграционная служба, и я поняла, что нам надо действовать очень быстро. В итоге нам максимально оперативным вмешательством удалось предотвратить решения судов, заключение и депортацию, выправить ему документы, и он спокойно уехал в Бразилию, — рассказывает Ольга.

Этим человеком был Дионисий — старообрядец, который мальчиком оставался в одном из енисейских монастырей, где и познакомился с Ханофером. Когда Ханофера этапировали в Красноярск, тот связался с Дионисием, который, в свою очередь, обратился за помощью к Ольге. О каких-либо попытках вмешаться в происходящее со стороны российских старообрядческих организаций, по словам Ольги, ей неизвестно.

Старообрядец Ханофер Ефимов ди Кейрос с женой и детьми

Фото: [vk.com/Полиция Красноярья](https://vk.com/ПолицияКрасноярья)

Если бы у Ханофера не было контактов Дионисия или Дионисий не был бы знаком с Ольгой Суворовой, неизвестно, чем закончилась бы его история. Но в пользу Ханофера также говорило наличие семьи (пусть и неофициальной). А если на его месте окажется одинокий человек, спасти его от депортации будет очень сложно — даже в случае, если на родине его давно никто не ждет.

Умершая деревня

Впрочем, документы — далеко не единственная проблема, с которой сталкиваются и сами староверы, и муниципальные власти в районах, в которых они проживают. Деревня Чулково, в которой живет Ханофер, рассказывает Ольга Суворова, возникла на этом месте еще в XVII веке. Потом она пришла в упадок — и до 1970-х считалась «умершей».

В 1970-е ее возродили, но не административно, а стихийно — просто приехали две старообрядческие семьи, спасавшиеся от гонений со стороны советской власти, поставили дом и стали жить. К ним присоединились и другие староверы — в том числе и те, кто покидал расположенные на Дубчесе монастыри, возвращаясь к мирской жизни. Это,

объясняет Николай Шляхов, тогда было удобно и советской администрации, и староверам — и долгое время два совершенно разных мира спокойно сосуществовали рядом.

Сейчас в Чулково проживают 77 человек взрослых и детей. Но, когда правозащитники занялись делом Ханофера Ефимова, выяснилось, что у поселения нет официального статуса. То есть даже если член этой общины захочет получить паспорт, в ФМС смогут ему выдать документ, но не смогут его зарегистрировать — формально их домов не существует.

Поселок староверов в Красноярском крае

Фото: ТАСС/Иванов Виталий

В Верхнеимбатском сельсовете, в состав которого входит поселение, еще в 2014 году — то есть задолго до громкой истории с Ханофером Ефимовым, — был принят генеральный план развития, по которому в том числе предполагалось закрепить наконец за Чулково официальный статус поселения.

С этим представители сельсовета по установленной процедуре обратились к краевым властям — но, как показала практика, процедура оказалась сложнее, чем могли предполагать люди в небольшом селении, находящемся в сотнях километрах от крупных городов.

— Мы уже два года работаем над тем, чтобы присвоить этому населенному пункту официальный статус, но это оказалось не так просто. Сейчас только говорил с

законодательным собранием края, и они нам сказали, что возвращают на доработку документы, которые мы ранее отправили, — объясняет по телефону Николай Шляхов.

При этом, подчеркивает Ольга Суворова, оформление статуса поселения позволило бы в том числе пополнить бюджет сельского поселения: ведь в этом случае его жители будут платить налоги, например, на недвижимое имущество. «В обмен, например, на то, что власти помогут им почистить дорогу грейдером». На вопрос, уверена ли она, что старообрядцы действительно готовы платить взносы в казну, она уверенно отвечает «да».

«Промысел назвали браконьерством»

При этом в России с 2006 года действует «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». По ней, в том числе старообрядцев, проживающих за рубежом, активно приглашают вернуться на Дальний Восток (еще один дореволюционный центр старообрядчества в России).

Тем, кто решится на переезд, предлагают помощь — в том числе финансовую, — при оформлении собственности на землю и строительстве домов. Однако в отношении староверов, Россию так и не покинувших, здесь возникает некоторая двойственность.

— Получается, что помощь обещают тем, кто только собирается приехать, но те, кто живет на этой земле традиционно, — как это, например, происходит с енисейскими старообрядцами, — на нее рассчитывать не могут: у них нет ни льгот, ни преференций, — говорит Ольга Суворова.

Такая несогласованность выглядит странно в том числе и для представителей общин из других стран — особенно учитывая, что многие общины поддерживают между собой тесные связи. В том числе и с Россией.

— Смотрится всё это так, что одной рукой мы приглашаем старообрядцев — мол, приезжайте к нам на Дальний Восток, будут вам и преференции, и документы. А с другой стороны, мы говорим о тех, кто уже живет на территории Российской Федерации: ребята, они совсем не наши. Пусть они сначала уберутся к вам — причем болезненно, через задержания, суды и решетки, а там мы посмотрим, может быть, потом они смогут к нам вернуться и на Дальнем Востоке жить хорошо и здорово, — указывает Ольга Суворова.

Так, например, серьезная проблема для староверов, живущих в основном охотой и рыбной ловлей, — ужесточение правил рыболовства. Старообрядцы, хотя и придерживаются в первую очередь своих внутренних правил, общие для всех законы нарушать тоже не хотят. Но выжить без охоты и рыбалки они не смогут.

Фото: РИА Новости/Борис Бабанов

Именно во время одного из таких участвовавших рейдов рыбинспекции, например, на Енисее был задержан Ханوفر Ефимов (что рыбу он ловил, получается, незаконно, он тогда не отрицал).

«Они живут натуральным хозяйством, от промыслов, а промысел сейчас называется браконьерством. И если сейчас гайки закрутят дальше, что им будет делать, откуда у них другой доход?» — пожимают плечами соседствующие с ними сибиряки.

Ольга Суворова согласна с тем, что старообрядцам, ведущим уединенную жизнь в тайге, могут помочь квоты, аналогичные тем, что действуют для коренных народов Севера — в конце концов, указывает она, староверы живут здесь с XVII–XVIII веков. Примерно тогда же в России узнали и о существовании коренных народов Севера. Получается, что они существуют бок о бок уже почти три столетия, и те и другие живут довольно закрытыми сообществами, сохраняющими исторический уклад. И одинаково сильно зависят от традиционных промыслов. Однако у одних есть, скажем, квоты на вылов рыбы и охоту, а у других — нет.

Впрочем, в случае с Енисеем, такие дополнительные привилегии могут вызвать вопросы у жителей соседних деревень, даже несмотря на то, что вообще-то к старообрядцам жители относятся спокойно. Вопрос с ужесточением правил рыбной ловли здесь — больной для всех («У нас мало рабочих мест и много рыбы, охотники ею собак всегда кормили»).

Фото: РИА Новости/Александр Полегенько

По данным, которые «Известиям» озвучивают сибирские правозащитники, до 70% мужчин на Енисее так или иначе уже имеют судимость из-за нарушений правил рыбной ловли. И вряд ли люди с пониманием отнесутся к тому, что староверов переведут на привилегированное положение, подчеркивает Николай Шляхов, — сибиряк, называющий себя старожилом Туруханского района.

«Проблемное» население

Сам глава Верхнеимбатского сельсовета явно относится к старообрядцам с уважением. Но как у «человека от власти» у него есть к ним вопросы — в разговоре «своих» старообрядцев он называет «проблемным населением».

— Они по сей день живут с советскими паспортами. И это для нас проблема — мы заставляем их, например, детей документировать и самим паспорта менять. Я недавно был в Чулково, разговаривал там со старообрядцем, попросил показать паспорт — а у него он еще советский, — рассказывает Николай Шляхов.

Оформлять или переоформлять документы многие старообрядцы не стремятся потому, что связывают их с нечистой силой и доказывают местным властям, что на документах, якобы есть «число зверя». На любые попытки переубедить, просто говорят: «Мы паспорт получать не будем», — и под любым предлогом стараются уйти от этой темы.

Или, говорят в Верхнеимбатском сельсовете, есть пример того же Ханофера Ефимова.

Несколько лет назад, когда он только собирался жениться на Антониде, он уже приходил к Николаю Шляхову и просил выдать российский паспорт, объясняя, что родился в Красноярске. Глава сельсовета не поверил — и тогда Ханофер признался, что является гражданином Бразилии.

Николай Шляхов вспоминает, что предложил принести все имеющиеся документы, чтобы как-то решить вопрос с восстановлением документов. Например, отправить запрос в консульство, и предупредил, что процедура, скорее всего, будет длинная и сложная. «Тот ушел и больше не появлялся», — сокрушается муниципальный глава.

Вид на Енисей

Фото: Global Look Press/Michael Vershinin

Еще сложнее — с оформлением документов на детей. Их «выправлять» местные жители, живущие по своим, внутренним, законам, тоже не стремятся. По мере сил муниципальные власти сами стараются отслеживать появление новорожденных, чтобы убедить родителей оформить документы. Но среди детей, получивших свидетельства о рождении, многие по достижении 20 лет так и не получили паспорта: «И этими вопросами мы тоже занимаемся», — говорит Николай Шляхов.

Выстраивая взаимодействие между представителями таких поселений и «мирскими» — в том числе представителями всевозможных государственных органов и ведомств, — крайне важно избегать конфликтов, убежден председатель юридического центра при Российской ассоциации центров изучения религии и сект Александр Корелов.

— Это не какая-то деструктивная секта, это совершенно нормальные люди, которые живут своим замкнутым миром. Здесь нужно, чтобы местные органы власти проявляли

определенное участие и терпеливо, планомерно занимались этой работой, — отмечает эксперт.

«Только сами» аудио часть 3

Пока основная нагрузка по выводу местных жителей «в правовое поле» ложится на местные сельсоветы. И там справляются с ней как умеют: иногда, рассказывают, оформляя документы, действовать приходится едва ли не насильно. Между тем рано или поздно наличие паспорта или того же свидетельства о рождении может оказаться важным.

Возможно, помочь может участие в этом процессе квалифицированных специалистов, умеющих и готовых убеждать, разговаривать и договариваться. Однако и правозащитники, готовые оказывать старообрядцам, например, консультативную поддержку, просто так сделать этого не смогут.

— Это закрытая сфера, куда ты не придешь сам — мол, я такой хороший и хочу вас защищать. Эти люди обращаются за помощью только сами, выбирая того, к кому обращаться, — говорит Ольга Суворова.

Едва ли не самая известная представительница старообрядцев — живущая в Хакасии отшельница Агафья Лыкова. К ней регулярно приезжают журналисты, долгое время отшельнице помогал экс-губернатор Кемеровской области Аман Тулеев

Фото: РИА Новости/Илья Питалев

Решать вопрос о том, как выстроить отношения между староверами и современным обществом на уровне, необходимом для того, чтобы обезопасить их при столкновении «с миром», но не разрушить традиционного уклада жизни, нужно на краевом уровне, считает Александр Корелов.

— Прежде всего надо вычленить спектр проблем, которые обычно возникают, и назначить людей, которые будут ответственны за решение связанных с ними вопросов, разработать краевую базу нормативных актов, касающихся организации взаимодействия с этими общинами, — перечисляет он.

В идеале, считает юрист и религиовед, принимать участие в этой работе должны также представители церкви и психологи, которые помогут жителям деревень частично адаптироваться к требованиям современного общества.

С вопросом о том, ведется ли какая-то работа по выстраиванию взаимодействия со старообрядческими общинами на Енисее и известна ли вообще властям примерная численность проживающего там старообрядческого населения, «Известия» обратились в пресс-службу правительства Красноярского края. Там пояснили, что вопросами, связанными с религией, занимаются в управлении по связям с общественностью губернатора края — его специалисты, в свою очередь, прислали изданию ответ, состоявший из двух предложений. В нем говорится, что «мероприятия есть в рамках программы «Сохранение единства российской и этнокультурное развитие народов Красноярского края». Точной информации о численности населения старообрядческих деревень у краевого руководства нет.

По словам местных жителей, всего на Енисее, в селениях, подобных Чулково, живут тысячи людей. Кроме того, только в Туруханском районе действует как минимум два монастыря — мужской и женский. Они находятся в лесах, уходящих в сторону Тюменской области, недалеко от речки Лаго. Население каждого из них, со слов старообрядцев, может составлять еще по несколько тысяч человек, которые для государства, вероятнее всего, не существуют вовсе.

